

Людия

Глава 1

В дверь стучат. Я выключаю воду на кухне и бросаю взгляд в гостиную, где в кресле перед телевизором сидит папа. Я говорю: «Я открою» и думаю, что, наверное, Таня пришла забрать что-то из своих вещей. Она с двумя дочками живет в квартире напротив, я приглядываю за ними, пока Таня работает в ночную смену.

Но на выкрашенной серой краской лестничной площадке стоит не Таня. Это мужчина примерно сорока лет, от серьезного выражения его лица у меня внутри все сжимается.

— Здравствуйте, я...

— Да? — нетерпеливо перебиваю я.

На нем темные брюки чинов, красивый пиджак и кожаные туфли, он жестом показывает, что хотел бы войти.

— Я из полиции. Можно войти?

Я думаю, что не стоит впускать в квартиру кого ни попадя, что нужно попросить у него документы, но несмотря на то, что на нем нет формы, чувствуется, что он говорит правду. Полиция всегда приходит, когда в наших окрестностях что-то происходит. Наверняка они хотят узнать, не видели ли мы с папой

ФРИДА ШИБЕК

что-то необычное, я всегда говорю «нет», потому что не хочу ни во что вмешиваться. Но в этом мужчине есть что-то особенное. В его взгляде нет привычной усталой покорности, как у остальных, и ведет он себя не так скованно и настороженно.

Пока он достает свой блокнот, я пытаюсь угадать, что ему нужно. Он словно отмыт до блеска. Лицо бледное, даже ресницы светлые, но внешне он довольно привлекательный.

— Вы Лидья Симович? — равнодушно произносит он.

— Лидия, — поправляю я, хотя и знаю, что в реестре налогоплательщиков мое имя записано как «Лидья». — Что-то случилось?

— Просто хочу задать вам несколько вопросов.

— Я только что вернулась с работы и ничего не видаю.

Кажется, он совершенно меня не слушает. Вместо этого он изучает стоящую на полках обувь, а потом впервые поднимает на меня взгляд и смотрит прямо в глаза.

— Вашего брата зовут Даниель Симович, не так ли? На несколько секунд я забываю дышать.

— Да, но он здесь не живет.

Он заглядывает через мое плечо в гостиную.

— Это мой отец.

— Бранко Симович, — добавляет он. — Вы вместе здесь живете?

— Да, — быстро отвечаю я, пытаюсь понять, почему полиция интересуется Дани. С ним что-то случилось? Он попал в аварию? Но ведь тогда полицейский сразу же сказал бы мне об этом.

— Когда вы последний раз общались с братом?

— Не помню... Несколько недель назад, — говорю я, стараясь оставаться спокойной, но сердце бьется словно дикий зверь. — Извините, а в чем, собственно, дело?

— Можете вспомнить, в какой конкретно день это было?

Я достаю мобильный из заднего кармана брюк, пролистываю список звонков и протягиваю полицейскому телефон, в котором значится исходящий звонок на номер Дани в шесть тридцать пять вечером в понедельник ровно неделю назад, в голове проносятся мысли обо всех возможных катастрофах. Пару лет назад, когда Дани был подростком и вечно вляпывался в разные неприятности, подобный визит меня совершенно не удивил бы. Но сейчас он наладил свою жизнь, нашел себе квартиру и работу, которой очень гордился. Не думаю, что он решил бы рискнуть всем этим.

Полицейский записывает что-то в блокнот и кивает.

— О чем вы говорили?

— Я позвонила, чтобы узнать, как у него дела.

— И что он сказал?

— Что у него все хорошо, — с раздражением отвечаю я и думаю, что все это какая-то ошибка. Но я ничего не говорю, потому что понимаю, в каком я сейчас положении.

— И с тех пор вы с ним не говорили и не виделись?

— Нет.

— Он общался с вашим отцом?

— В январе у папы случился инсульт, с тех пор у него проблемы с памятью, но я думаю, что не общался. Почему вы спрашиваете?

ФРИДА ШИБЕК

Кристиан Валлин откашливается.

— Нам нужно связаться с Даниелем, у нас есть к нему вопросы.

— Вы не пытались ему звонить?

— Его мобильный телефон выключен.

— Скорее всего, просто села батарейка. С ним такое часто случается. — Я улыбаюсь, но выражение лица полицейского не меняется, я замечаю несколько маленьких морщин над его носом.

— Можно ли как-нибудь еще с ним связаться?

Я колеблюсь. Дани, разумеется, не обрадуется, если полицейские заявятся на его новую работу, но я все-таки сдаюсь.

— Он работает в кофейне Wayne's Coffee. Возле небоскреба «Закрученный торс» в Вестра-Хамнен.

Полицейский делает еще какие-то пометки в блокноте и протягивает мне свою визитку, на которой указано «инспектор-криминалист».

— Он часто так пропадает?

— Нет, что вы.

— Если вы что-нибудь о нем узнаете, пожалуйста, свяжитесь со мной. Нам нужно поговорить с ним как можно скорее.

— Хорошо.

Его взгляд останавливается на распятии, которое мама и папа получили в качестве свадебного подарка, оно висит на стене. Затем он обводит взглядом загроможденные кухонные столешницы и замечает, что линолеум в углу кухни порвался, вздыбился и закрутился. Мне становится стыдно. Я знаю, о чем он думает, я чувствую его взгляд.

Закрыв за полицейским дверь, я достаю мобильный и набираю номер Дани. Я жду не дыша, но вместо сигнала слышен только монотонный голос, сообщающий, что абонент находится вне зоны действия сети. На всякий случай я звоню еще раз, потом открываю Whatsapp и пишу ему сообщение:

«Дани, где ты? Я тебя ищу. Срочно позвони, это важно. Тебя ищет полиция».

Я вижу в окно, что полицейский поворачивает за угол. Я еще раз перечитываю сообщение и стираю последнее предложение, а потом отправляю.

Папа кашляет. Я чувствую его запах даже на кухне. Ему нужно в душ, но я натаскалась тяжестей на работе, и у меня нет сил.

Я опускаюсь на табуретку возле стола, не выпуская из вида телефон. Может, Дани потерял свой мобильный или его украли? Может быть, как раз сейчас он пытается раздобыть себе новый и позвонит мне сразу же, как только его получит? Но это не объясняет, почему его ищет полиция.

Я думаю о тех преступлениях, которые Дани совершил в юности. В них виновата банда, в которую он попал, но ведь он давно с ними не общается. Пару лет назад он действительно совершал чудовищные ошибки, но ведь это все давно в прошлом.

Небо темнеет, поднимается ветер. С каждым вечером осень подбирается все ближе, в последние дни, просыпаясь по утрам, я вижу мокрые от дождя улицы. Я захожу к папе, чтобы привести его в порядок, думаю, что все так или иначе наладится. Но тревога не покидает меня, я укладываю папу спать и весь оставшийся вечер не отвожу взгляда от черного экрана телефона.

Глава 2

На следующее утро я варю очень крепкий кофе. От Дани так ничего и не слышно, и я начинаю нервничать. Разве он не понимает, что я чувствую, когда он так исчезает, как я волнуюсь? Мила тоже ничего мне не ответила. Вчера вечером я отправила ей сообщение и спросила, не знает ли она, где Дани, но она, видимо, слишком занята своей прекрасной жизнью, чтобы ответить мне.

Я открываю верхний ящик кухонного стола и вижу поблескивающий внутри нож, меня словно пронзает молнией. Видимо, я положила его туда по ошибке, когда разбирала посудомойку. Я сразу же убираю его в потайной ящик в шкафу к остальным ножам, зубочисткам и другим острым предметам. Ничего такого у нас дома пока не происходило, но рисковать я не хочу. Насмотрелась на разные ужасы на работе — в доме престарелых «Рённен». Или, как говорит моя коллега, — в тюрьме для живых мертвецов. Папе там точно не понравится, так что, пока он не выходит из квартиры, мы с ним справимся сами.

Папа еще спит, прежде чем уйти, я готовлю завтрак и оставляю его на столе: большой бутерброд с маслом и сыром — хлебные корки я обрезаю, потому что ему трудно жевать, — термос с кофе и апельсиновый сок.

На лестнице я вижу Таню. Стук ее каблучков раздается по всему дому, я чувствую запах вчерашних духов, смешавшийся с запахом ее кожи. Она подходит к окну, открывает створку и закуривает. Ждет, пока разгорится огонь, и жадно затягивается.

— Все нормально?

Я киваю. Я уже отправила ей сообщение, когда заходила к девочкам сегодня утром.

— Ты ведь знаешь, что я могу спать у них, если хочешь.

— Все хорошо, — говорит она и машет сигаретой так, что с нее слетает пепел. — Ты нужна отцу.

— Ладно, но обещаю, что ты мне скажешь, если передумаешь, — отвечаю я и закрываю за собой дверь. — Обед в холодильнике.

Она выдыхает дым и тушит сигарету об оконный косяк.

— Надеюсь, мои дети будут заботиться обо мне так же, когда я постарею. Кстати, я слышала, что к тебе вчера кое-кто заходил. Мне звонила Инез, — добавляет она, пожимая плечами.

«Чертова Инез», — думаю я. Похоже, она целыми днями просиживает возле окна. Не упустит ничего, что происходит в нашем квартале.

— Ничего особенного. Очередные рекламщики.

— Ага, — говорит она, выбрасывает окурок и закрывает окно. — Береги себя.

— И ты.

Утреннее солнце отражается в окне Инез, из-за этого внутрь заглянуть невозможно, но я знаю, она там, и едва сдерживаюсь, чтобы не показать ей средний палец. По дороге к автобусу я звоню Дани, но мне отвечает все тот же монотонный голос. Чем он вообще занят? Почему не отвечает?

Эмоции кипят, я придумываю, что именно скажу ему, когда он появится. Абсолютно безответственно вот так исчезать. Потом я вспоминаю о том случае, когда Дани разнял двух драчунов возле Стуртинга

ФРИДА ШИБЕК

и его пырнули осколком бутылки. Тревога вспыхивает с новой силой, мне становится стыдно за свои мысли. Может быть, на моего брата напали! Может, он истекает кровью где-нибудь в подворотне!

Я захожу на самый большой сайт новостей, прочитываю основные заголовки и немного успокаиваюсь. Никаких сведений о нападении на человека или поножовщине. Вместо этого в новостях рассказывают о железнодорожной катастрофе на севере страны, о политическом соглашении и о пропавшей женщине. Мой взгляд останавливается на ее фотографии. Блондинка в белой блузке, большие глаза, как у олененка. Написано, что уже несколько дней ее не могут найти. Завтра ее фотография появится на передовицах всех газет, готова ставку в тотализаторе сделать.

Я думаю о Фатиме, семнадцатилетней девушке, которая пропала в прошлом году всего в нескольких кварталах отсюда. Она шла в прачечную, чтобы забрать свою куртку, и так и не вернулась домой. Через некоторое время ее мама начала беспокоиться и пошла ее искать, но нашла только мокрую куртку в стиральной машине. На протяжении нескольких недель ее родители расклеивали объявления с ее фотографиями на столбах, я их несколько раз видела. Несмотря на то что опросили почти весь квартал, средства массовой информации не написали об этом ни строчки. Конечно, ведь у Фатимы не было светлых волос и глаз олененка.

От этих воспоминаний мне становится нехорошо, и я думаю, не стоит ли отправиться на поиски Дани, пройти мимо его дома, зайти в магазинчик на углу, куда он обычно заходит, но тут приходит автобус,

и я уезжаю. Смена начинается через двадцать минут, и как бы я ни волновалась, за такое короткое время замену мне не найти.

Через восемь часов я ухожу из дома престарелых. От Дани так ничего и не слышно, немного поколебавшись, я звоню его начальнику Самиру, тот говорит, что не разговаривал с моим братом с прошлой пятницы, когда тот сказался больным.

— Он потерял мобильный, — выдавливаю я. — Но он по-прежнему плохо себя чувствует. Думаю, грипп подцепил.

— Здесь была полиция, расспрашивали о нем, — говорит Самир. — Ты что-нибудь знаешь об этом?

Какое-то время мы оба молчим, пока я подыскиваю, что бы такое сказать.

— Он был свидетелем нападения, — вру я наконец. — Полиция, видимо, пыталась с ним связаться по потерянному мобильнику.

— О черт! — говорит Самир, но я слышу нотки скепсиса в его голосе.

— Он кашляет, и температура все время повышается, — продолжаю врать я, потому что знаю, как нравится Дани его работа. — Но он обещает перезвонить, как только ему станет лучше.

— Ладно. Передавай, чтобы выздоравливал.

Я вижу, как набитый людьми зеленый автобус подъезжает к остановке. Я смотрю на часы. Нужно приготовить ужин для папы, да и в магазин хорошо бы зайти, и все-таки я поворачиваю и иду в другую сторону.

Дани снимает квартиру в неуютном многоквартирном доме. Когда-то учитель рассказывал нам, что